

Ли Сы всю ночь глаз не сомкнул. Снова и снова он прокручивал в голове, как вел себя его старший сын все эти годы. И ведь верно: с самого детства Гоудань и смотреть не желал в сторону девочек, вечно ворчал, что те только и умеют плакать да капризничать. А поскольку лицом мальчишка уродился суровым, деревенские девочки сами обходили его стороной.

А вот Ван Сюань, напротив, у девочек всегда пользовался успехом. Малышки со всей округи так и вились вокруг него. Вспоминая всё это, Ли Сы окончательно зашел в тупик. Он просто не знал, что теперь делать.

О подобных вещах в их краях никто отродясь не слыхивал. Сын, конечно, уверял, что они не единственные такие на свете, но у кого расспросить? С кем посоветоваться?

Отец-то думал, что сын вырос, выбился в люди, обеспечил себе светлое будущее — думал, прах предков в могилах возрадовался от такой чести роду. А теперь Ли Сы отдал бы всё, лишь бы его Гоудань не был таким успешным. Пусть бы лучше остался в деревне, гнул спину на пашне, как простой крестьянин. Зато жил бы как все: жена под боком, ребятишки на теплой печи, и никто бы на него косо не посмотрел.

Да, решил Ли Сы, эту тайну нужно держать за семью печатями. Иначе сыну прохода не дадут, станут плевать вслед да шипеть в спину.

Сам он хоть и был простым деревенским мужиком без образования, но твердо знал одно правило: тех, кто отличается от общей массы, люди всегда сторонятся.

«И почему Ван Сюань не родился девочкой?»

Ли Сы до боли в висках жалел теперь, что вообще приютил его тогда. Глядишь, и не случилось бы этой беды. Да разве бывает такое, чтобы в благодарность за спасение мужчина предлагал другому себя в жены? Небеса явно что-то перепутали! На роду ведь написано: мужчине — женщину, женщине — мужчину. А когда сходятся двое мужчин — это же против всякого уклада, сущий беспорядок!

И ведь за столько лет этот узел затянулся так прочно, что теперь уже не развязать. От этих мыслей у Ли Сы голова раскалывалась, и он совершенно не представлял, как быть дальше.

Когда рассвело, госпожа Яо, не обнаружив мужа в спальне, заволновалась. Ли Сы, однако, быстро нашелся с объяснением: мол, вчера так устал, что прилег в свободной комнате да и заснул, побоявшись возвращаться, чтобы ненароком не разбудить Бэйшэна, которого потом не уложишь.

Правда это была или выдумка, госпожа Яо расспрашивать не стала. Если муж не хочет чем-то делиться, она никогда не лезла в душу. Именно этот житейский такт помогал ей все эти годы сохранять мир и согласие как с Ли Сы, так и с его взрослыми сыновьями. Она прекрасно понимала: даже рождение общего ребенка не давало ей права хозяйничать в этой семье и

диктовать свои условия.

— Отец, — позвал Гоудань, спускаясь во двор.

Ли Сы уже давно возился в саду. Судя по приличной куче выдранных сорняков, за ум он взялся на рассвете, явно не сомкнув глаз. Услышав голос сына, Ли Сы по привычке дернулся было ответить, но вовремя прикусил язык. Сделав вид, будто ничего не слышал, он лишь усерднее принялся дергать траву.

Глядя на эту упрямую, сгорбленную спину, Гоудань понял, что на душе у отца всё еще скребут кошки. Он молча подошел, опустился рядом на корточки и тоже потянулся к сорнякам.

— Иди-иди отсюда, — проворчал Ли Сы, не поднимая головы. — Нечего тут под руку лезть.

Гоудань слегка усмехнулся:

— Пап, давай сегодня выберемся куда-нибудь, развеемся.

Он перехватил увядший стебель и продолжил:

— Далеко ехать не придется. Понимаю, что в Императорском дворце да княжеских усадьбах ты уже бывал, смотреть там нечего. Но мы можем съездить на загородную ферму. Там и живность всякая вольно бегает, и пруды для рыбалки есть, и фрукты прямо с веток собирать можно. Пообедаем на свежем воздухе настоящей деревенской едой. Городские от таких мест просто без ума.

— Сами мы откуда, по-твоему, приехали? — угрюмо буркнул Ли Сы. — Нашел тоже диковинку — ферма! На этих кур да уток я дома до тошноты насмотрелся. Не поеду.

— Ну отец, негоже ведь в четырех стенах сидеть, — мягко настаивал Гоудань. — Бэйшэн за всю свою жизнь дальше нашей деревни не выбрался, города толком не видел. Раз не хочешь на ферму, поедем в загородный курортный комплекс. Там места красивейшие, и развлечений полно, и кормят отменно. Мы с Ван Сюанем специально ради вашего приезда отпуска взяли, чтобы вместе время провести.

Ли Сы хмурился пуще прежнего. За всю жизнь он и слова дурного сыну не сказал, но сейчас, стоило вспомнить о его чудачествах, внутри всё закипало от глухой обиды. На кого он злился — на сына, на Ван Сюаня или на саму судьбу, — Ли Сы и сам не знал. Рука не поднималась поднять на парня палку или обругать последними словами, пусть тот и совершил самую глупую ошибку в своей жизни.

От этой беспомощности и невысказанного гнева было тошно. Чтобы хоть как-то унять кавардак в голове, он и поднялся ни свет ни заря, отправившись воевать с сорняками. А этот негодник

теперь крутился рядом и без умолку трещал над ухом. Ну за что ему такое наказание?

Видя, что отец упорно молчит и продолжает ожесточенно рвать траву, Гоудань мысленно вздохнул и почесал затылок. С родней всегда так: ни обойти, ни объехать.

Завтрак прошел в удручающем молчании. Даже вечно шумный Бэйшэн, почувствовав тяжелую атмосферу, присмирел и не пытался капризничать. Он послушно давал госпоже Яо кормить себя с ложечки, лишь переводя любопытный взгляд с одного взрослого на другого и забавно вертя головой.

Мальчик ни на секунду не выпускал из рук пластмассовую машинку, которую ему подарил старший брат — даже спал и ел в обнимку с ней. Ли Сы и его жена воспитывали младшего по простому деревенскому правилу: не плачет, не орет, не болеет — и ладно. Из-за этого у ребенка накопилось немало дурных привычек, но паренек оказался сообразительным: сообразив, что находится в гостях, вел себя на редкость прилично.

Правда, за обе щеки уплетая кашу, он то и дело поглядывал на Гоуданя. Ложку в рот — взгляд на брата, еще ложку — опять взгляд.

За столом сидело всего несколько человек, так что эти маневры не укрылись ни от чьих глаз. Гоудань с усмешкой приподнял бровь:

— Бэйшэн, ты чего на меня уставился? Мое лицо вместо приправы к рису идет?

Услышав свое имя, малыш испуганно моргнул, поспешно замотал головой и уткнулся в тарелку, сообразив, что его игра раскрыта. Больше он подглядывать не решался.

Когда с завтраком было покончено, взрослые быстро собрались. Поскольку торопиться на работу никому не требовалось, выехали пораньше, около восьми утра. На дорогах уже прибавилось машин, но движение оставалось свободным. Выедь они на полчаса-час позже — точно застряли бы в глухой пробке на главной магистрали.

За руль сел Ван Сюань, Гоудань устроился рядом на пассажирском сиденье, а Ли Сы с женой и младшим сыном разместились сзади. Оказавшись в просторном салоне автомобиля, Бэйшэн пришел в полный восторг и принялся прыгать на сиденье. Родителям пришлось изрядно повозиться, чтобы утихомирить сорванца, но благодаря этой суматохе гнетущая тишина в машине наконец рассеялась.

«Всё-таки от оравы детей есть своя польза», — философски подумал Гоудань. Своего выбора он не стеснялся и ни о чем не жалел, но видеть отца таким подавленным ему тоже не хотелось.

Загородный курортный комплекс действительно поражал размахом. Он давно стал излюбленным местом отдыха для жителей Столицы и ее окрестностей. Цены здесь, конечно,

кусались, и рядовой семье такой отдых был не по карману, но уровень сервиса и красота природы оправдывали каждую потраченную монету.

Пока Ли Сы и госпожа Яо развлекали маленького Бэйшэна на детской площадке, Ван Сюань наконец нашел минутку переговорить с Гоуданем наедине.

— Дядя, похоже, еще не скоро примирится с этим, — вполголоса заговорил Ван Сюань. — Но, если честно, всё проходит в тысячу раз лучше, чем я ожидал. Я ведь уже приготовился к худшему: думал, он начнет сыпать обвинениями, прогонит меня или закатит скандал. Да, ему сейчас горько, но он хотя бы не отворачивается от нас.

— Да я и сам поражен, — отозвался Гоудань. — Узнай такое любые другие родители, разразилась бы катастрофа планетарного масштаба, землетрясение баллов в десять. В конце концов, отец просто слишком сильно меня любит и не хочет портить мне жизнь. Даже видя наше «непотребство», он держит всё в себе: не грозит переломать мне ноги и не устраивает сцен.

Оба они готовились к буре, но молчаливое смирение отца оказалось полной неожиданностью.

— От этого мне только тяжелее на душе, — вздохнул Ван Сюань. — Нам нужно чаще его навещать. На праздники обязательно будем приезжать в деревню. А если бы дядя согласился перебраться в Столицу, было бы совсем замечательно.

Гоудань посмотрел вдаль, где на карусели с восторженными воплями кружился Бэйшэн. На душе у него немного отлегло: по крайней мере, их признание не разрушило семью до основания.

— Он ни за что не согласится. Он и раньше-то не хотел переезжать, а теперь... теперь и давно откажется.

— Всё-таки нехорошо мы поступаем. Не по-сыновьи это как-то.

Гоудань лукаво прищурился:

— А ты что, предлагаешь пойти у него на поводу, найти девицу и нарожать детей? В жизни не бывает всё гладко. И кстати, насчет девиц: ты давай-ка держись подальше от этих больничных медсестричек и этой докторши Лань. Видел я, как она на тебя смотрит — глаза так и горят зеленым огнем. Смотри, сожрет и не поморщится.

— Что за глупости ты несешь? — рассмеялся Ван Сюань. — Доктор Лань — прекрасный специалист и глубоко порядочный человек. К тому же она на три года меня старше, просто опекает по-дружески... Ладно, ладно, буду держаться от нее подальше, раз ты так хмуришься.

— Мужчине и женщине не пристало уединяться, усек?

— Пошли лучше к Бэйшэну, погляди, как у него от радости дух захватывает, — поспешил сменить тему Ван Сюань, увлекая ревнивца к детской площадке, где вовсю резвилась ребятня.

За несколько дней совместных прогулок и сытных обедов напряжение в семье заметно спало.

Судя по беззаботному поведению госпожи Яо, Ли Сы так и не решился рассказать ей об особенностях своих сыновей. Каким бы «неправильным» ни был его старший сын, он всё равно оставался его плотью и кровью. Ли Сы не мог допустить, чтобы кто-то косился на его мальчика или, не дай бог, презирал его втайне.

Одна мысль о том, что его гордость — успешный, образованный сын — станет мишенью для грязных сплетен, приводила мужчину в ужас. Поэтому внешне жизнь шла своим чередом, и лишь наметанный глаз Гоуданя замечал мимолетные перемены в лице отца.

Тот то и дело украдкой наблюдал за сыновьями, пытаясь уловить особенности их общения, и порой глубоко задумывался, хмурия брови. От этих пристальных взглядов обоим парням становилось не по себе.

Отец больше не заводил разговоров о женитьбе, но нет-нет да и ронял как бы невзначай: мол, у такого-то соседа родился сын или дочка, а у другого уже внуки подрастают.

— Ты води себя скромнее, — предупредил Ван Сюаня Гоудань. — Пока отец здесь, никаких нежностей. Если он увидит лишнее, ему опять станет худо.

Одно дело — знать о грехе абстрактно, и совсем другое — лицезреть его воочию. Понимая это, молодые люди держали себя в руках и вели себя исключительно как заботливые братья.

Ли Сы от этого заметно повеселел, охотно цепляясь за иллюзию обычной мужской дружбы.

Сбросив этот тяжкий груз с души и убедившись, что худшего не случилось, молодые люди вздохнули с облегчением и вернулись к привычным будням: работе и повседневным заботам.

Ли Сы тем временем потратил несколько дней на то, чтобы дотошно изучить карту района и запомнить номера нужных автобусов. Наконец, прихватив пухлый бумажник, он решил нанести визит вежливости старому мастеру Циню.

Доктор Цинь был уже в весьма преклонных летах и давно не вел прием пациентов. Отойдя от дел, он целыми днями отдыхал дома, а в хорошую погоду отправлялся в парк размять кости и заняться гимнастикой тайцзи. К нему то и дело заглядывали многочисленные ученики и последователи — кто за советом, кто просто проведать, так что скучать старику не приходилось.

Единственной его головной болью оставался Су Хэвэн. С годами этот парень становился всё более привередливым в выборе невесты: разменял уже четвертый десяток, а всё ходил в холостяках.

Ли Сы никогда не забывал о доброте старого доктора, который очень помогал его сыну во время учебы, и регулярно звонил ему по праздникам с теплыми поздравлениями. Теперь же, оказавшись в Столице, он счел своим долгом лично засвидетельствовать почтение уважаемому человеку.

Снарядив жену и взяв с собой маленького Бэйшэна, Ли Сы упаковал гостинцы: свежие фрукты и привезенные из родных мест деликатесы — копченую утку и сушеные побеги бамбука. Первоначально они планировали добираться на автобусе. Однако, расспросив прохожих, супруги окончательно запутались в бесконечных пересадках: сначала сядьте на такой-то маршрут, доедьте до такой-то остановки, потом перейдите дорогу, дождитесь другого автобуса...

Для деревенских жителей, чей китайский оставлял желать лучшего, а столичный диалект местных казался тарабарщиной, эти объяснения прозвучали как китайская грамота. Вдобавок столичные жители с трудом понимали их ломаный говор.

Голова у Ли Сы и его супруги пошла кругом. Огромный мегаполис со своими эстакадами и развязками казался непреодолимым лабиринтом. Сколько раз Ли Сы ни бывал в Столице, он впервые решился выбрать куда-то самостоятельно, да еще и с кучей тяжелых сумок наперевес. Поняв, что автобусом им не добраться, они сжали зубы и махнули рукой проезжавшему мимо такси.

Кое-как, запинаясь и путая звуки, Ли Сы назвал водителю адрес. Едва захлопнулась дверца и машина тронулась, супруги наконец смогли перевести дух. До чего же непростое это дело — столичные разъезды! И надо же было так сглупить: стоило всё-таки предупредить сыновей заранее.

<http://bllate.org/book/19654/1996868>